

Рыжков Денис Леонидович

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Статья посвящена происхождению социального конфликта как фактора изменения общественного устройства. В связи с поставленной целью рассматривается анатомия социального конфликта как взаимодействия биологической и социальной природы человека. Автор направляет внимание на деятельность больших социальных групп в историческом масштабе в связи с возможностью или невозможностью дальнейшего пребывания в условиях конкретного социального устройства и делает вывод о роли биологического начала человека в достижении той меры социального недовольства, которая превращает его в элемент социального преобразования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 136-140. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. **Об устройстве Медицинской Коллегии с ее частями:** Высочайше утвержденный доклад Главного Директора над Медицинской Коллегией Барона Васильева, № 18854 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. I. Т. XXV.
9. **Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII века /** отв. ред. Э. Д. Днепров. М.: Педагогика, 1989.
10. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 248. Д. 37.
11. **Таубер А. С.** Современные школы хирургии в главных государствах Европы: очерки клинической и оперативной хирургии. СПб., 1889-1893. Кн. 1-3.

DEVELOPMENT OF MEDICAL PERSONNEL TRAINING SYSTEM IN RUSSIAN STATE OF THE XVIITH-XIXTH CENTURIES: HISTORICAL-LEGAL ASPECTS

Ol'ga Glebovna Pechnikova, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of State-Legal Disciplines
University of Russian Academy of Education
lex1881@mail.ru

The author discusses the formation of state medical education organization in the Russian state beginning from the XVIIth century, pays particular attention to military medicine, which started the tradition of local medical personnel training, and also covers the problem of female education in medical sphere during the period under review.

Key words and phrases: medicine; education; order; college; school; university; clinic; doctor.

УДК 02.41.31

Статья посвящена происхождению социального конфликта как фактора изменения общественного устройства. В связи с поставленной целью рассматривается анатомия социального конфликта как взаимодействия биологической и социальной природы человека. Автор направляет внимание на деятельность больших социальных групп в историческом масштабе в связи с возможностью или невозможностью дальнейшего пребывания в условиях конкретного социального устройства и делает вывод о роли биологического начала человека в достижении той меры социального недовольства, которая превращает его в элемент социального преобразования.

Ключевые слова и фразы: социальный конфликт; общественное противоречие; мера социального недовольства; социальные классы.

Денис Леонидович Рыжков, к. филос. н.
Кафедра философии и культурологии
Московский государственный горный университет
ryzhkovdl@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ©

В современном обществе конфронтация стала обыденным явлением, принимающим разные формы и распространяющимся повсеместно. Сегодня мы имеем дело не с чередой случайных вспышек недовольств по всему миру, переходящих в локальные столкновения, а с закономерно развивающейся системой оформления проявлений единого социального противоречия, объективно присущего глобальному социуму. Так, экономические проблемы одних национальных экономик неизбежно сказываются на социально-экономическом положении в других странах; негативные экологические следствия производств распространяются независимо от национальной принадлежности компаний; террористическая активность в отношении представителей одной нации, народности, религии или конфессии неизбежно негативно сказывается на всех остальных. В этих обстоятельствах приобретает особую актуальность понимание того, в каких условиях конфронтация может перерасти в такой конфликт, при котором само общество будет под угрозой.

Классовый анализ социальных структур направлен на обнаружение противоречия между большими группами людей с целью понимания природы общественных конфликтов, становящихся причиной потери социального равновесия. Социальное равновесие может быть рассмотрено как развитие конфликта в пределах меры, когда сохраняется качественная и количественная определенность предмета, в данном случае, – общества с имеющимися уже отношениями. Выход за грани этой меры, то есть доведение социального конфликта до неких потрясений, меняющих устоявшуюся систему отношений, уже означает потерю социального равновесия.

Таким образом, ключом для понимания меры или грани, за которой социальная структура теряет свое равновесие, может быть только природа конфликта. Всякий конфликт, в том числе и социальный, есть форма столкновения. В обществе это начинается с противостояния взглядов, и лишь затем социальный спор

может перерасти в более жесткий конфликт, однако *разногласие во взглядах имеет свой предмет*, который закладывается много раньше того, когда эти взгляды созреют, сформируются и завладеют умами больших групп людей. Таким предметом выступает *интерес* как осознанная потребность в чем-либо. *Противоположность интересов* больших социальных групп *есть осознание конфликта* потребностей внутри одного общества. Разница социальных потребностей определяется сущностью самого социального устройства, то есть того, *по поводу чего* люди оказались по *разные стороны* социально-классового деления. В случае с классовой структурой, вытекающей из социальной философии марксизма, - это отношение по поводу владения или невладения средствами общественного производства.

Как видно, неперенными условиями социального конфликта являются осознание противоположности потребностей и нежелание с этим мириться. Но и то, и другое еще не есть основание нарушения социального равновесия. Здесь вопрос в *мере*, которая «есть простое соотношение определенного количества с собой, его собственная определенность в себе самом; таким образом, определенное количество качественно» [2, с. 425]. Конфликт соотносится с собой, то есть, будучи изначально стремлением к изменению наличного социального бытия, он может быть в любой момент исчерпан, не достигнув этого предела, тем самым не перейдя меру, а в случае с социальной структурой – не отменив принцип ее формирования. Если конфликт соотносится сам с собой, то и определение его меры немислимо без осознания его природы. Прежде всего, стоит вопрос характера социального конфликта, связанного с классовыми отношениями, – его объективности или субъективности.

Первый вариант означает заложенность в самом общественном устройстве неких объективно противостоящих потребностей больших социальных групп. Второй - что классовый конфликт есть только личностное недовольство одними людьми положением других. В этом случае источником конфликта можно провозгласить некие основания человеческой природы, которые легко усваиваются обывателем, так как не требуют дальнейших размышлений. Но если все дело в неких заложенных природой качествах, тогда как объяснить разный уровень социальной активности в разных нациях? При этом главный вопрос состоит в том, почему крупные внутринациональные столкновения происходят между социальными, а не биологическими группами, под которыми можно подразумевать людей, объединенных сходством биологически зависимых признаков: морфологических или анатомических особенностей тела, сходство врожденных задатков и т.п.? Очевидно, что общественный конфликт определен социальными факторами, которые объективны по отношению к члену общества, *но реализуются через него*. Эта взаимосвязь не является пафосной декларацией эклектизма в социальном познании. Для понимания этого тезиса требуется осознание его логического и исторического механизмов. Первый заключается в том, что в условиях цивилизации человек реализует свои биологические потребности посредством социального, то есть вступая в общественные отношения с другими людьми. И, наоборот, удовлетворение потребностей социального характера, то есть обусловленных самой социальностью субъекта, происходит через биологическую природу человека. В общественном человеке оказываются неразрывно связанными две природы: одна, заложенная генетически и обусловленная биологическим видом, а другая, приобретенная в процессе социализации. Поэтому изменения в одной природной составляющей человека (при условии их массового характера) неизбежно ведут к изменениям в другой. В силу того, что модель их взаимосвязи не поддается формализации, даже обществоведам для предположения последствий приходится «включать» по большей части фантазию, нежели строить модель.

Биологическая природа человека определяет невозможность его существования без биологического потребления и защиты от негативных внешних факторов, в силу чего общество не может существовать без системы производства материальных ресурсов. Вместе с тем, сама эта система определяет общность деятельности самых разных членов общества. Производственный процесс многообразен и неоднороден, что определено различием качества выполняемых функций членами общества и качественной составляющей самого труда. Это образует связь между самой общественной производственной системой и социальной структурой.

Производственные возможности человека определены его биологическими возможностями и способностями, что задает уровень и пределы возможного. Помимо этого, возможность любой человеческой деятельности неразрывно связана с потреблением и, прежде всего, – с материальным потреблением. Потребление человека определено его общественной ролью, что образует *неразрывную связь социального и биологического*.

Исторические ситуации крупных межклассовых конфликтов имели место, по большей части, по причине исчерпания биологических возможностей целых социальных групп, например крестьянства. Так, самое крупное из крестьянских восстаний XVI века во Франции, продолжавшееся с 1593 по 1595 годы, вошло в историю как движение «кроканов» (франц. «Aux croquants» – «на крыс»). «Крысами» назывались сборщики налогов, а нелюбовь к ним была обусловлена вовсе не различием качеств характера конкретных людей, а объемами тех самых налогов, которые одни собирали с других. Так, талья – прямой налог, основным плательщиком которого было крестьянство, – возросла в течение XVI века в три раза [4, р. 141]. Подать с урожая в пользу сеньора, арендная плата феодалу и церковная десятина вместе составляли до 75% крестьянского урожая [6, р. 53], а кроме этого существовали другие повинности, к которым относились косвенные правительственные налоги (aides) и право постоя (droits de prise), которое армия осуществляла лишь в деревнях.

Недовольство отдельных членов общества, их объединений и даже больших социальных групп своим социальным положением может быть источником постоянного беспокойства за сохранность той или иной социальной системы, однако, как правило, это не становится причиной социальных конфликтов. Иными словами, недовольство некими социальными формами различий не достигает той меры общественного накала («самого себя» по Гегелю), которая требуется для превращения ситуации в конфликт. Грань этой самой «меры» лежит где-то на границе социальных и биологических форм различий между членами одного общества.

Здесь может возникнуть резонный вопрос о том, как объяснить те социальные недовольства в благополучных странах Европы (Франции, Испании, Италии, Греции), о которых так часто в последнее время приходится слышать в средствах массовой информации. Прежде всего, ни одно из таких волнений не угрожает существованию общественного устройства какой-либо из упомянутых стран. Следовательно, речь здесь идет не о социальных конфликтах, а о некоторых формах локальных недовольств, но недовольств не общественным строем, а тем, каким образом распределяются доходы внутри обществ развитых стран. В самом деле, основным способом заявления некоторых социальных слоев европейских стран о неудовлетворенности собственным положением являются забастовки, да и то в сферах, где простой предприятия приносит огромный финансовый ущерб собственнику: авиадиспетчеры, персонал авиационных и железнодорожных компаний. В этих сферах работники, а точнее (что немаловажно) их объединения – профсоюзы, выступают в качестве стороны патерналистских отношений или, попросту говоря, выторговывают себе, насколько это возможно, большую долю производимых общественных благ. Делают они это потому, что их объединения чувствуют свою силу получить больше благодаря либеральности законодательства развитых стран и демократических традиций внутригосударственных политических курсов европейских правительств последних десятилетий. Однако эта сила совсем не предназначена для преобразования социального строя и направлена, по большому счету, только на повышение уровня финансового благополучия пусть даже крупных социальных групп. Положение бастующих в упомянутых странах слишком далеко от жизни впроголодь или даже невозможности неплохо провести свой отдых, поэтому о ситуации пограничной с биологическими возможностями человека не может быть и речи. Более того, в ряде развитых европейских стран профсоюзами практикуются так называемые двадцатичетырехчасовые забастовки, когда в течение суток работники не только не приступают к своим обязанностям, но и устраивают различные шествия, манифестации, охватывая крупную территорию, например, целый город. По истечении заявленного времени все приступают к работе, причем так, как будто вчера ничего не случилось. Задача таких мероприятий состоит в демонстрации силы, напоминании о том, что может случиться, если завтра правящие круги не пойдут на компромисс или задумают отменить какое-либо из социальных завоеваний. Все это выступает формой достижения социальных договоренностей, но совсем не свержения политических режимов, а тем более, – общественного устройства.

Ущемление в рамках конкретной социальной системы реальных потребностей человека биологического характера рождает групповую неудовлетворенность, а при определенных масштабах инициирует общественное недовольство. Так, естественная биологическая потребность продолжения рода, наталкиваясь на неуверенность в будущем и того хуже – на страх за жизнь детей, порождает недовольство теми условиями, по причине которых эти тревоги возникают. Речь идет о тех случаях, когда у человека появляются основания бояться за свою жизнь или жизнь родных людей, иметь страх потерять крышу над головой, по той причине, что он может в какой-то момент не вписаться в правила распределения социальных ролей. Если причины таких проблем носят не индивидуальный, а общественный характер, то есть связаны с социальным устройством данного конкретного общества, тогда обозначенная неудовлетворенность выступает стыковочным моментом биологического и социального. Но подобного рода неудовлетворенность биологического только тогда способна стать общественным явлением, когда она носит массовый характер, который означает, прежде всего, наличие социальных причин неуверенности или страха членов общества.

Независящие от человека факторы еще не означают мистификацию природы социальных связей, как это иногда делается в рассуждениях о системе вообще, например у Толкотта Парсонса: «Если система сохраняется столь долго, что появляется смысл изучать ее, то в ней должна существовать тенденция к сохранению своего порядка, за исключением тех случаев, когда возникают какие-либо чрезвычайные обстоятельства» [5, р. 107]. Автор представлений об инвариантном наборе функциональных проблем провозглашает самоорганизацию модусом общества, упуская тем самым причину самого появления любой общественной системы. Получается, что общественная организация возникает, а затем может стремиться к самосохранению, но необязательно. Возникает вопрос причинности самого происхождения общества: что побуждает людей вступать в отношения, и что их заставляет на некоторых этапах общественной организации менять ее принципы, образуя новые систему управления и взаимосвязи. На такого рода вопросы пытается дать ответ родоначальник теории заинтересованных групп А. Бентли, когда в своей работе «Процесс правления» говорит, что «причины правления обязаны своим существованием потребностям групп и подвергаются изменениям в соответствии с ними» [3, р. 320]. Сложно оспаривать эту позицию, учитывая, что исторически все формы государственного управления возникали и исчезали в связи с потребностями больших социальных групп: монархия – в связи с необходимостью жесткой организации и повиновения в условиях преобладания аграрной системы хозяйствования и низкого уровня развития производительных сил, республика – напротив, для наличия баланса интересов различных социальных слоев в выборных учреждениях, пропорционально их экономическому влиянию и др.

Смена форм правления есть разрешение общественного противоречия, непреодолимого в рамках данной формы. Любое противоречие превращается в движущую силу лишь тогда, когда становится внутренним для системы. Так как правление обществом поддерживает баланс между его образующими большими социальными группами, то и способы удержаний равновесия совершенствуются: власть всегда стремится найти и находит новые формы социального принуждения, либо, когда это уже невозможно, – социального компромисса. Таким образом, развивается система общественной организации тогда, когда это самое противоречие не достигло меры, при которой невозможно преобразование форм отношений в рамках данной конкретной системы общественного устройства. Если же эта мера достигнута, тогда снятие противоречия происходит только при переходе к другой, но приемлемой для этой цели, формы общественной организации. При этом движущей

силой слома старой социальной системы выступают большие социальные группы, для чего им необходимо *организоваться*, то есть на время стать *некой системой* по отношению к иным группам того же социума.

Для организованной на общественную борьбу социальной группы действует то же правило развития, как и для любой другой системы, а именно, социальное противоречие становится для нее движущей силой только тогда, когда будет внутренним. Происходит это в случае ущемления биологических потребностей представителей конкретных социальных групп. Даже крайне недовольная поведением аристократии, политически ущемленная буржуазия Франции накануне Великой французской революции не смогла бы сломить монархию, не будь городских низших слоев и крестьянства, доведенных до отчаяния своим материальным положением, то же можно сказать и об Англии.

Если формы правления изменяются в соответствии с потребностями групп, а социальный конфликт выступает их переломной точкой, значит его мера определяется тем состоянием недовольства или незаинтересованности в существующем общественном устройстве со стороны больших социальных групп, при котором дальнейшее воспроизводство базовых социальных связей (цементирующих социальный строй) становится затруднительным. Такое состояние может иметь две причины. Первая – наличие альтернативной организации системы общественного воспроизводства материальных и духовных благ, которая по причине большей экономической эффективности, зарождающаяся в недрах другой формации, с течением времени делает образующий за счет нее социальный класс все сильнее, порождая конфликт. В этом случае мерой конфликта становится тот момент, при котором старый правящий класс не в состоянии удерживать политическое правление и вынужден в той или иной форме либо разделить его с народившимся классом, либо в один момент уступить политическую власть. Приходящая новая форма правления уже отвечает интересам социальных групп, организовавшихся в качестве движущих сил общественных преобразований.

Вторая причина может заключаться в гипотетической ситуации, когда состояние управляемой части общества доведено до отчаяния, а правящая его часть не может (по каким-либо причинам) обернуть ситуацию в свою пользу или иным образом исправить положение. В этом случае социум обречен на диссоциацию, поэтому такая ситуация не выглядит реалистичной для любого из современных национальных обществ. Но так как в нынешних условиях мы имеем дело с глобализацией, образовавшей фактически единое транснациональное социальное пространство, возможен и этот сценарий в случае отсутствия альтернативных социальных систем. Более того, это обстоятельство нуждается в анализе на фоне тенденций усиления глобальных проблем социального характера.

В любом из указанных случаев необходимо достижение *меры* социального накала, которая непосредственно связана с биологическим в человеке. Такими факторами, как уже говорилось, могут выступать материальная необеспеченность, доступ к отдыху, к здравоохранению, чрезмерное рабочее время и им подобные факторы. Переход от проблемы из сферы биологических потребностей в область социального действия сопряжен с достижением *некой меры*. Данная мера и определяет трансформацию количества ущемления биологической потребности в социальное действие. Таким образом, мы имеем цепочку: социальные условия «давят» на биологические и социальные потребности, но именно биологические на определенном этапе способны обернуть волю больших групп людей на социальные действия.

Из сделанного вывода напрашивается другой: человек живет в социуме в соответствии с объективными для него биологическими и социальными законами, но биологические потребности являются ведущими в периоды перехода от одного социального устройства к другому. Ущемление социальных потребностей может будоражить общественное сознание, выступать источником идей для отдельных умов, быть причиной переосмысления повседневно важных подходов к социально-групповой и общественной жизни, однако само по себе не зарождает социальных движений, приводящих к смене общественно-экономической формации.

На протяжении тысяч лет человек менялся как существо общественное вместе с теми социальными системами, которым он принадлежал, однако, биологически он оставался прежним, а именно – не изменялись его биологические потребности. Еще Аристотелем было справедливо замечено, что политика не создает людей, а берет их такими, какими их создала природа [1, с. 394]. Действительно, политические отношения, как и всякого рода социальные, возникнув из общественной необходимости, развившись в систему, а затем во множество систем и породив культуры, воспроизводятся тем природным существом, которое этими отношениями было вырвано из дикой природы тысячи лет назад. Напротив, порождения социальных связей: мораль, право, способ общественного производства, политика – все это исторически преобразуемо. Вместе с формами социальной жизни становится иным и человек ему принадлежащий, так как меняется его социальная природа, однако не она определяет ту меру социального конфликта, которая преобразует недовольство в фактор социального переустройства.

В связи с огромными достижениями естествознания XX–XXI веков и возможностями свершения еще более глубоких открытий, дающих человеку инструменты широкого вторжения в биологическую форму движения материи, вероятно, в скором будущем биологические потребности будут изменены в политических целях, но даже тогда это только докажет тезис об их важности в социальном движении.

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
3. **Bentley A. F.** The Process of Government. A Study of Social Pressures. Chicago: University of Chicago Press, 1908. 536 p.
4. **Haillan B.** Discours sur les causes de l'extremes cherté qui est aujourd'hui en France // Variétés historiques et littéraires. Paris: Didier, 1857. Vol. VII. 362 p.
5. **Parsons T., Shils E. A.** Toward a General Theory of Action. N. Y. - Evanston: Harper & Row, 1964. 506 p.
6. **Raveau B. R.** L'agriculture et les classes paysannes du Haut Poitou au XVI siècle. Paris, 1929.

SOCIAL CONFLICT AND SOCIAL CONTRADICTION

Denis Leonidovich Ryzhkov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Culturology
Moscow State Mining University
ryzhkovdl@mail.ru

The author discusses the origin of social conflict as the factor of social structure changing, in connection with the intended purpose considers the anatomy of social conflict as the interaction of biological and social human nature, pays attention to large social groups activity in historic scale due to the possibility or impossibility of further remaining under the conditions of particular social order, and makes the conclusion about human biological origin role in the achievement of such social discontent degree that turns it into the element of social transformation.

Key words and phrases: social conflict; social contradiction; social discontent degree; social classes.

УДК 947.084.8(470.55/57):61

Статья представляет собой комплексное научное исследование проблемы подготовки медицинских кадров в отечественном здравоохранении на примере Южноуральского региона в период с 1953 по 1964 гг. Опираясь на широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, автор анализирует качество медицинского образования в южноуральских городах, оценивает достоинства и недостатки реализованных мероприятий в деле обеспечения кадрами, а также выясняет роль местных органов государственной власти в данном вопросе.

Ключевые слова и фразы: медицинские кадры; медицинское образование; врач широкого профиля; многопрофильность.

Мария Анатольевна Сафиуллина
Кафедра истории Отечества
Оренбургский государственный аграрный университет
fatih.ne@bk.ru

**ПОДГОТОВКА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1953–1964 ГГ. ©**

Недофинансирование отрасли советского здравоохранения, недостаточная нормативно-правовая база и, как следствие, низкая мотивация медицинских кадров к качественному труду в 1953–1964 гг. привели к тому, что медицинское обслуживание населения перестало отвечать насущным нуждам всего СССР и регионов в частности. Выдвижение проблемы здоровья в число приоритетных задач социального развития страны обусловило актуальность настоящего исследования.

Успехи, достигнутые в СССР в 1953–1964 гг. в области снижения заболеваемости, смертности и улучшения здоровья населения, в значительной мере были связаны с подготовкой и повышением квалификации медицинских кадров. По общей численности врачей и по уровню обеспеченности врачебными кадрами Советский Союз в рассматриваемый период занимал первое место в мире.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 января 1963 г. № 63 и от 21 мая 1964 г. № 499, пересматривались учебные планы и программы всех факультетов медицинских институтов [12, д. 26, л. 19]. В первую очередь предусматривалось усиление медико-биологической и химической подготовок студентов высших учебных заведений, сохранение недельной учебной нагрузки, введение преподавания ряда новых разделов и курсов. В большинстве медицинских институтов страны было введено преподавание истории медицины. Альбом «С. П. Боткин» явился первым отечественным изданием по актуальным вопросам медицинской науки и практики. Ранее подобного опыта по изданию иллюстрированных альбомов с пояснительным текстом не осуществлялось. Материал этих учебных пособий сочетал в себе некоторые особенности: объединение смежных дисциплин, перераспределение часов по дисциплинам и семестрам с соблюдением последовательности их изучения, устранялись многопредметность, дублирование в изучении отдельных предметов.

С переходом на шестилетний срок обучения медицинские институты перестали готовить врачей широкого профиля. В 1953–1954 учебном году в медицинских институтах СССР существовало 30 основных специальностей [2, с. 22]. Причем нередко получали образование те специалисты, которые не предусматривались по плану штатов и нужны были только в крупных специализированных лечебных заведениях. Большинство квалифицированных врачей не могли устроиться на работу по специальности. Многопрофильность преподавания на шестом году обучения снижала общий медицинский кругозор будущих работников и не отвечала